

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОМ КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

1.1. Теоретическая модель западноевропейского гражданина

Дискуссия о гражданстве, начавшаяся среди исследователей политики в 1980–1990-е годы и продолжающаяся до настоящего времени, стала ответом не только на логику развития политической теории. Она была и реакцией на текущие политические события и тенденции: рост миграционных потоков, вызванный глобализацией, усиление роли мигрантов в принимающих обществах, усиливающуюся апатию избирателей, безразличие рядовых граждан к политическому участию, абсентеизм, зависимость населения от государственных социальных пособий, возрождение национализма в Восточной Европе, наличие разных рас и принадлежность к разным культурам населения в Западной Европе, этническое и религиозное многообразие обществ, размывание традиционной политической культуры гражданского участия, разочарование в глобализации, болезненное ощущение утраты национального суверенитета. Все это требовало переосмысления концепции гражданства. Среди причин распространения кризисных тенденций называли кризис welfare state и модели «социального «гражданства», дисфункции представительной демократии. «Подъем тематики “политического гражданства” как серии исторических практик освобождения и есть форма поиска новых способов критики капитализма в условиях его “триумфа”, наступившего в конце 80-х – начале 90-х годов...» [Капустин 2011: 142]. В либерально-демократическом дискурсе тематика гражданства замещала критику капитализма, а в леворадикальных концепциях была формой критики глобального капитализма.

Причины кризиса модели национального гражданства поначалу видели в необходимости совершенствования «базисных структур» общества, в институциональных и процедурных механизмах достижения справедливости – разделении властей, федерализме, парламенте, конституционных правах, политических процедурах принятия политических решений и т.п. Но постепенно интерес сместился к вопросам гражданских добродетелей и гражданского сознания, определенный уровень которых необходим для успешного функционирования политических институтов и механизмов. У. Кимлика пишет: «...я буду рассматривать теории гражданства как важное

дополнение, а не как замену теориям справедливости: теории гражданства выявляют добродетели и практики, необходимые для того, чтобы развивать и поддерживать институты и меры государственной политики, отстаиваемые теориями справедливости» [Кимлика 2010: 365]. Все добродетели демократических граждан концентрируются вокруг понятия «гражданский республиканец», стержень их составляет принцип политического участия гражданина.

Эта дискуссия оттолкнулась от классического понимания национального гражданства Т. Х. Маршалла: «Гражданство – это статус, который дается полноценным членам данного сообщества» [Маршалл 2011: 170]. Этот статус предполагает равенство граждан в правах и обязанностях. Т. Х. Маршалл исследовал эволюцию гражданства в Англии и установил, что становление гражданства (с его эгалитарной установкой) совпадает со становлением капитализма как системы неравенства. По мнению Ю. Хабермаса, именно «национальное самопонимание сформировало тот культурный контекст, в котором из подданных могли получиться политически активные граждане» [Хабермас 2001: 206]. Форма национального государства стала результатом поиска нового способа легитимации власти и социальной интеграции общества. Этим способом стала политическая мобилизация граждан как членов нации, использующая принцип демократического участия, который формирует и статус гражданства, и новый уровень солидарности, основанной на праве, и открывает в нации для государства секуляризованный источник легитимации [Хабермас 2001: 207].

Т. Х. Маршалл в комплексе прав гражданства выделял гражданские права, возникшие в Англии в XVIII в., политические права (XIX в.) и социальные права (XX в.). Наиболее полная реализация прав гражданина для него была возможна в либерально-демократическом государстве всеобщего благосостояния. Однако такой вид гражданства сейчас называют «пассивным», «минимальным» или «частным» гражданством, поскольку акцент ставится на пассивные права на обладание чем-либо (и соответствующие обязанности государства) и отсутствие обязанностей гражданина участвовать в общественной и политической жизни. В современных обществах сохраняется такой вид гражданства, но выясняется, что без активного проявления гражданской ответственности и добродетелей, опоры на экономическую инициативу и автономию, на политическое участие, солидарность и ориентацию на общее благо, ослабляются и основные демократические институты. Эта сторона носит название «активное гражданство». У. Кимлика приводит цитату У. Гэлстона, где тот обобщает все виды гражданских добродетелей, требуемых для процветающей демокра-

тии: «ответственное гражданство требует четырех видов гражданских добродетелей: общих добродетелей – мужества, законопослушности, лояльности; социальных добродетелей – независимости, открытости ума; экономических добродетелей – трудовой этики, способности откладывать на будущее удовольствия, адаптируемости к экономическим и технологическим изменениям; и политических добродетелей – способности распознавать и уважать права других, готовности требовать только того, что может быть оплачено, способности оценивать качество работы властей, готовности участвовать в публичном дискурсе» [Кимлика 2010: 368]. Эти добродетели являются отличительными для современных плюралистических либеральных демократий и подчеркивают политическую роль граждан в них.

Глобализация средств сообщения и коммуникаций, финансирования, экономического производства порождает проблемы, например, экологическую или военную угрозы, которые не могут быть решены в рамках национального государства или путем соглашений между суверенными государствами. Происходит ослабление национально-государственного суверенитета, следовательно, все более возрастает необходимость формирования возможностей политического действия на наднациональном уровне [Хабермас 2001: 199]. У. Кимлика констатирует рост числа транснациональных организаций и их влияния на жизнь обществ, что сопровождается большим «дефицитом демократии» в них и «малой публичной легитимностью в глазах граждан». Однако политической теории транснациональных институтов пока не создано. Отсутствует и космополитическая теория демократии и гражданства, но необходимость в них становится все более острой [Кимлика 2010: 401-402].

Дискурс мобильности, включаясь в дискуссию о гражданстве, описывает трансформации модели национального гражданства. Джон Урри пишет: «...различные мобильности фрагментируют национальные общества, способствуя возникновению локальных, региональных, субнациональных, сетевых, диаспорных и глобальных экономик, идентичностей и гражданств» [Урри 2012: 344]. Самыми важными и тревожными следствиями распространения различных видов мобильности являются фрагментация и ослабление гражданского общества, нации как основы солидарности и интеграции, являющейся основой легитимации власти и коллективного действия, а также разрушение базы действия принципа политического участия граждан. Из двойного содержания гражданства устраняется его активная часть – способность гражданина к политическому действию во имя общего блага, и остается лишь пассивная сторона, типа потребительского гражданства, которое по сути не отличается от подданства.

Дискуссия о гражданстве в западной науке актуализировала и проблемы разработки новой методологической и концептуальной основы для отражения изменяющейся реальности. Состояние теории и методологии в западной политической науке Г. Алмонд характеризует через контекст «постбихевиористской, постпозитивистской эпохи», которой свойственно отсутствие единой научной парадигмы, сосуществование различных концепций, методологический плюрализм, основа которого не может не быть эклектичной [Алмонд 1999: 106]. Он выдвигает тезис о невозможности однозначного определения предмета политической науки, о наличии разных трактовок ее истории. В то же время, по его мнению, политической науке присуще единство содержания и метода, поступательность в развитии. Для нас это означает открытость политической науки к комбинации имеющихся и разработке новых методов исследования таких изменчивых объектов исследования, какими являются политические концепты и явления. Х. Алкер фиксирует «постмодернистский поворот» в политической науке, с которым связывает наступление конца господства позитивистской теории и методологии, повышение внимания исследователей к субъективным аспектам политической жизни, внутреннему миру политических акторов [Алкер 1999: 47]. Следствием этого является увеличение разных направлений в политической науке, возникновение возможностей для междисциплинарных исследований. М. Доган во взаимодействии политической науки с другими социальными науками видит процессы фрагментации, специализации и гибридизации смежных отраслей и субдисциплин [Доган 1999: 113]. Эта характеристика помогает нам разобраться, почему политической науке для решения той или иной научной проблемы необходимы не только междисциплинарные исследования, но и взаимодействие между предметными областями разных наук.

В этой связи поиски методологии исследования концепта гражданина привели нас к социокультурному подходу как возможности интеграции предметных областей и методов политической науки, с одной стороны, и политической и социальной философии – с другой. Это попытка восполнить состояние специализации наук стремлением к методологическому и теоретическому синтезу. И здесь вполне уместным будет и заимствование понятий, теорий, методов из других наук, и перенесение их через дисциплинарные границы. По нашему мнению, интеграции методов и теорий требует сам предмет исследования – концепт гражданина, призванный выразить разные аспекты жизни политического человека в их целостности.

Ситуация с исследованием проблемы осмысления концепта и феномена гражданина, а также проблемы его становления в посткоммунистических странах, представляется не адекватной практическим потребно-

стям ее решения. Сложность этой ситуации в общественном сознании обусловлена противоречием между назревшей необходимостью перехода от классической к новой парадигме и отсутствием достаточных для этого теоретических предпосылок. В отечественной научной литературе последних лет заметны сдвиги от оптимистического заимствования западных концепций модернизации к скептицизму в отношении реального становления гражданского общества и правового государства в России и стремлению к практически ориентированным исследованиям российской политической реальности. Критика возможности автоматического перенесения классических определений гражданского общества на российскую почву звучит с самого начала возрождения данной проблематики в 1990-е годы и усиливается в настоящее время. Набирает силу тенденция поиска адекватных посткоммунистической реальности средств познания. Появляются работы, содержащие разные попытки описания реальности с помощью как соответствующих, так и альтернативных классической парадигме понятий – «дефектной» демократии, «неформальных» институтов, «негражданского общества», «негражданственности» [Меркель, Круассан 2002; Гончаров 2002 и др.]. Существуют разные определения общества и государства, в котором мы живем. О. Хархордин писал о «негражданском обществе в современной России» [Хархордин 2011: 103]. Б. Кашников характеризует российское общество как расколотое, то, в котором доминирует иерархическая – патримониальная справедливость и для которого характерно неравенство статусов народов и групп: «Нет ничего похожего на равенство политических прав или равенство перед законом» [Кашников 2004: 251]. Другие авторы обращают внимание на характер отношений между государством и гражданином в России, не соответствующий либеральной модели гражданства [см., например: Бляхер 2001]. Высказываются сомнения в наличии гражданского общества в настоящее время на Западе [см., например: Гражданское общество 1999], в современности самого понятия «гражданское общество» [Максименко 1999]. Встречается и прямое отрицание существования такового в России [Хорос 1997; Сысуев 2001 и др.]. Нарастает и осознание невозможности исследования современной российской реальности посредством классической парадигмы в социальной науке.

Некоторые авторы акцентируют внимание на особой роли изменений в социокультурной сфере посткоммунистических обществ. Это обусловлено тем, что объектами изучения политологии преимущественно выступали «внутрисистемные образования» – принципы государственного устройства, организации экономических структур общества, политико-правовых институтов, а не социокультурные реальности, не общество как таковое. По мнению авторов, позиция которых близка нашим взглядам, в

постсоветских обществах «обнаруживается значительный разрыв между социокультурным миром, фактическим состоянием социальной интеграции (социальные нормы и ценности, менталитет, образ мышления граждан, отношение их к жизненным реалиям, стандарты поведения и социализации, нравственно-практический и коммуникативный опыт) и официально декларируемыми общими целями-нарративами («демократия», «правовое государство», «гражданское общество» и т.п.)» [Полохало 1998: 11]. Украинский и российский типы посткоммунизма предстают не в качестве форм перехода к демократии, а в качестве результата инерции коммунистической истории. Изменения касаются по большей части элиты, но не «общественного тела». Реальное состояние посткоммунистических обществ – это скорее «негражданское общество», а наиболее распространенной разновидностью посткоммунизма является посткоммунистический неототалитаризм. Здесь важны не внешние признаки и атрибуты, а сущностная многосторонняя зависимость индивида от власти, гражданина – от государства. Посткоммунистический неототалитаризм есть явление «культурной традиции коммунизма», носителем, субъектом которой является само общество, которое продуцирует социальные, социокультурные и политические условия собственного изменения, но осуществляет это в рамках, устанавливаемых олигархией [Полохало 1998: 14].

Вместе с тем в отечественной политической науке ведутся исследования, связанные с искомой проблемой. Значительное развитие в настоящее время получила проблематика идентичности – национальной, государственной, цивилизационной и иной. Для нашей работы интересно понимание гражданской идентичности, представленное И.С. Семененко: «Гражданская идентичность является конституирующим основанием современной политической нации и опорой демократической государственности. Гражданская идентичность маркирует членство в макрополитическом сообществе и предполагает самоидентификацию индивида с его политической культурой и институтами, в том числе с определяющим индивидуальный политико-правовой статус институтом гражданства. В основании гражданской идентичности лежит усвоение человеком ценностей конструктивного участия в социальных взаимодействиях, демократических свобод и политической гражданской солидарности» [Семененко 2017: 354]. Автор показывает отличия гражданской идентичности от государственно-гражданской и национальной идентичности: «гражданская идентичность опирается на вовлеченность граждан в социальные взаимодействия и ее эмоциональное переживание, то есть на чувство гражданственности (для государственно-гражданской ... государство является центральной референтной точкой самоидентификации), в то время как в ос-

новании национальной идентичности – чувство принадлежности человека к национально-государственному сообществу, усвоение значимых для страны культурных установок и ориентаций, символов, традиций, преемственности исторической памяти» [Семененко 2017: 357–358]. Стоит отметить, однако, что эти определения касаются характеристик феноменов гражданина, нации, национального государства развитых либеральных демократий, предполагающих зрелость соответствующих исторических условий. О формировании гражданской идентичности в трансформирующихся политических системах в данном исследовании говорится лишь самом общем ключе.

С. П. Перегудов считает, что гражданская идентичность индивидов является условием для формирования политической нации и что становление политической нации в России не завершено. Данный процесс характеризуется наличием противоположных тенденций консолидации нации и противодействия этому [Перегудов 2017: 164]. Автор анализирует позитивные и негативные факторы, влияющие на процесс нациестроительства в России, к последним он относит «дефицит политического участия граждан как фактор, препятствующий канализации волеизъявления россиян в позитивное русло», неэффективность системы государственного управления, принижение роли гражданского общества и гражданственности, ценностный раскол между сторонниками либерально-демократических и консервативно-державных взглядов и другие [Перегудов 2017: 168–170].

Чрезвычайно плодотворными являются исследования, посвященные различным видам идентичности. Так, понятие политической нации получило концентрированное выражение: «Политическая нация возникает как результат гражданско-политического самоопределения и консолидации территориально локализованного сообщества, претендующего на политическую субъектность и проживающего в границах актуального государства. Политическая нация опирается на общие политические институты и является олицетворением солидарной коллективной идентичности. Ее существование поддерживается процессами политической самоидентификации граждан с национальным политическим сообществом и принимает форму национального государства, распространяющего равные политические свободы и права на всех дееспособных граждан на основе принятия ими обязательств перед государством» [Мартьянов 2017: 399].

Значительную разработку получило и понятие личностной идентичности, которое трактуется как «совокупность сделанных и поддерживаемых человеком значимых для его жизненного пути актов выбора (принятия ответственного решения), результирующихся в его текущее состояние в пространстве отношений с окружающей социальной средой» [Кимберг

2017: 257]. Импонирует стремление автора соотнести понятия личности, личностной идентичности, субъекта, самости с учетом значимости каждого из них в качестве регулятора активности человека. Перспективной в исследовательском плане представляется и рассмотрение такого измерения личностной идентичности, как «статусы идентичности»: «диффузная идентичность», «предрешенная идентичность», «мораторий», «достигнутая идентичность» [Кимберг 2017: 258].

Однако несмотря на усиление внимания к социокультурным аспектам проблематики гражданского общества, национального государства, гражданской идентичности и другим, проблема осмысления концепта и феномена гражданина и перспектив его становления в современной России пока так и не нашла своего решения. Имеющиеся методологические стратегии не приводят к созданию единой рабочей программы и системной стратегии исследования. Феномен гражданина распадается на разные проекции, связь которых не так просто определить. Отсюда фрагментарность в его описании, отсутствие целостного образа гражданина в социальном знании.

Для того чтобы определить степень развития гражданина и гражданского общества в посткоммунистических странах, необходимо предварительно выяснить способ соотношения универсального и локального в феномене гражданина, комплекс исторических условий и факторов, влияющих на его эволюцию. В этой связи важно разобраться в имеющихся стратегиях рассмотрения проблемы становления гражданина и выработать теоретико-методологические основы ее исследования.

За время существования политических наук в России проблема становления гражданина не обрела достаточного внимания исследователей. Между тем гражданин может и должен быть предметом не только юридических наук, но и политической философии и теории, поскольку это феномен политический, связанный с массовой политической субъектностью людей. Однако почти не учитывалась последняя стало нормой не только в практической политике, но и в политической теории. Этому есть множество объяснений. Транснациональные корпорации претендуют на роль моделей политического мироустройства и вытесняют нации-государства, гражданское общество модерна сменяется децентрированным мировым сообществом постмодерна, модифицируются ценностные основания прежней политической культуры, нарастают противоречия между сознанием глобально ориентированных элит и национальным самосознанием рядовых граждан государств, растет отчуждение масс от политики. Эти глобальные изменения не могут не сказываться на фактическом политическом статусе, уровне политического участия и самоощущении людей. Од-

нако корректно ли на основании этих сдвигов говорить о том, что массовый индивид западных стран утратил гражданскую идентичность? Применительно к российскому контексту сложно судить о реальном статусе личности в государстве, как и о том, существуют ли основания для становления гражданина в России в будущем и не отменяют ли глобальные и внутренние политические процессы актуальность этой проблемы? На фоне вала исследований политических элит не так уж много работ о политической роли массового гражданина. Однако, возможно, это вопрос не столько и не только практики, сколько теории, то есть проблема заключается в адекватных теоретических инструментах исследования.

В политической науке в исследовании проблем модернизации многие годы доминировал старый институциональный подход, но в последние годы в полную силу заявил о себе неоинституционализм. Прояснению принципов, логики и следствий применения методологии старого институционального подхода способствует призма структуры предмета исследования. Основные измерения феномена гражданина задаются бинарными оппозициями: 1) *социального* (объективного, структурного, институционального) и *культурного* (субъективного, содержательного, ментального); 2) *устойчивого* (синхронического, инвариантного) и *изменчивого* (диахронического, вариативного); 3) *универсального* и *локального* (уникального, индивидуального). В большинстве концепций гражданского общества, лежащих в русле теорий модернизации, трансформации и транзита («традиционного» общества в «современное» – «гражданское», «цивилизованное»), первая и третья оппозиции решаются с помощью принципа монизма. Это приводит к выделению доминанты социального, устойчивого и универсального, к которой редуцируется культурное, изменчивое и локальное. Эта позитивистская логика, характерная для системного, структурно-функционального и институционального подходов, приводит к рассмотрению гражданского общества как особой неполитической сферы общества, противостоящей государству [Аг 1991; Коэн, Арато 2003], отождествляемой рядом авторов с совокупностью негосударственных общественных объединений (институтов) [Дарендорф 1993; Патнэм 1996; Токвиль 1994; Шмиттер 1996].

Оппозиция устойчивого и динамичного во множестве работ осмысливается с помощью принципа развития. Несмотря на основательную критику эволюционизма [Поппер 1993; Штомпка 1996; Скоробогатский 2002], большинство работ, посвященных генезису гражданского общества, разделяет основные его установки – детерминизм, телеологизм, фатализм, финализм, универсальность, эссенциализм, монизм. Этапы развития гражданского общества в Западной Европе институционалисты представляют

как разворачивание линейной логики прогрессирующей человеческой истории, движимой универсальными законами. Последние становятся общей нормой, репрессирующей все отклоняющееся, случайное, индивидуальное в социальной реальности. В соответствии с европоцентристской методологией истории, на которой базируется институционализм, локальное – Запад, европейская цивилизация – предстает как универсальный идеал. Отождествляются процессы модернизации и вестернизации. Это закрывает путь к исследованию специфики других локальных цивилизаций и становления гражданина и гражданского общества в каждом конкретном пространственно-временном контексте. Вследствие операции выведения субъективного из объективного, гражданское общество предстает в качестве надындивидуальной реальности – совокупности социальных процессов и структур, детерминирующих бытие и сознание гражданина, или внеисторической универсальной сущности, действующей без участия индивидуальных субъектов деятельности. Феномен гражданина сводится к функции гражданского общества, абстрактному и универсальному инварианту свойств. Игнорирование субъективного аспекта бытия социума приводит к несоответствию абстрактной схемы историческому многообразию и изменчивости форм общества и гражданина.

Устойчивость схемы истории, заданной классической парадигмой, обусловлена лежащим в ее основе образом человека как самотождественного субъекта, лишённого признаков со-бытия с другими людьми и динамики самоизменения. Абстрактные образы человека, истории и культуры выполняют функцию нормы человеческих взаимодействий, задают методологию исследования и оценки реальности. Институционализм рассматривает реальность с точки зрения ее соответствия ставшему – структуре западного общества, составляющей комплекс признаков современности; синхронное рассмотрение явлений социальной реальности доминирует над диахроническим, статика – над динамикой, ставшее – над становящимся. Принципы структурно-функционального анализа выявляют родство большинства теорий этого ряда с классической наукой. Примером может служить идея универсального перехода от Традиции к Современности [Парсонс 1997] как основа транзитологии. В результате за пределами объяснения оказываются несовпадение ритмов и масштабов социальных и политических изменений – в формировании гражданского общества, в формах и условиях становления феномена гражданина в странах Западной и Восточной Европы и России, отсутствие однозначной «направленности эволюции от простого к сложному, от гомогенности к гетерогенности, от хаоса к организации» [Штомпка 1996].

В теориях модернизации за скобки исследования выносятся «изменения смыслов, дотеоретическое знание, которое поддерживает институты» [Капустин 1998]. В результате в качестве признаков Современности и образца для подражания «модернизирующимися» обществами рассматриваются лишь формальные институциональные и инструментальные признаки – процедуры и практики представительной демократии западных стран. Происходит отрыв институтов от граждан как их носителей и ментального содержания их деятельности. Абсолютизация институциональной сферы нивелирует роль гражданина как субъекта социального действия. Установка на внеконтекстуальность и абстрагированность от культуры приводит институциональные теории к утрате трансцендентных основ демократической нормативности, к исследованию элит как исключительных субъектов политики. Институциональный подход был нацелен на описание реальности в ценностно нейтральных понятиях, отражающих универсальные принципы и институты (секуляризации, индустриализации, рационализации, демократизации и т.д.), способные трансформировать любое традиционное общество путем замены его институтов. Реальность показывает невозможность такой нейтральности и объективизма, каждый из институтов обусловлен специфическим способом взаимодействия множества ценностных систем, культур и ментальностей конкретных социальных субъектов. Следствием применения в «старом» институционализме установок классической парадигмы являются: утверждение внешней позиции наблюдателя, монологизм, бессубъектный анализ политических процессов, неспособность выявить источник качественных социальных изменений.

Представителями неоинституционализма учтен ряд критических замечаний, адресованных его предшественникам, использованы принципы и методы неклассического и постклассического обществознания. Современный институционализм подвергает критической рефлексии собственные основания, возможности и границы. Одной из центральных дискуссионных проблем для данного подхода С. В. Патрушев считает «способность институционализма по-новому проанализировать отношения между индивидами и институтами» [Институциональная политология 2006: 32]. В исследовании различных аспектов политической трансформации России неоинституционалисты зачастую уходят от редукции явления к его структуре и учитывают совокупный эффект от соединения структур, человеческих действий и идей, включают исторический контекст и более широкий комплекс факторов. В историческом неоинституционализме и ряде предметных исследований сторонники данного подхода выходят за рамки «старого» институционализма и показывают высокую продуктивность

анализа: противоречий между формальными и неформальными институтами в России, изменений в российской политической культуре и модели демократии, обновления повседневных практик взаимодействия власти и народа, ценностных изменений на уровне индивидуальной микросреды и многих других проблем. Однако часть базовых установок «старого» институционализма в его новых версиях все же сохраняется: разрыв социального и индивидуального, акцентирование структур по сравнению с субъектами. Вытекающая из этого невозможность объяснить источник изменения институтов связана с отсутствием рассмотрения глубинных, длительно действующих процессов, детерминируемых культурой (цивилизацией), составляющих основы возникновения и существования конкретного институционального порядка (например, доминирования неформальных институтов в России).

Соответственно, проблема становления и существования гражданина в России пока не находит своего решения. Феномен гражданина распадается на разные проекции, слабо связанные друг с другом. Возможность выхода из этой ситуации связана с отказом от позитивистской методологии, от социологизма и принципа объяснения индивидуального социальным, а также с движением к созданию более гибкой методологической парадигмы исследования, или теории «среднего уровня», учитывающей необходимость обновления теоретического образа субъекта политики. Методология социокультурного анализа, развиваемая автором, предполагает синтез институционального и социокультурного типов рассмотрения проблемы, дополнение объективистского исследования общества как совокупности институтов анализом общества сквозь призму мотивируемого культурой деятельного субъекта, воспроизводящего и изменяющего социальные отношения и институты. Объединение и учет взаимной дополнительности методов, направленных на сближение объективных и субъективных аспектов существования субъекта политики, дает возможность снять конфликт между классической и неклассической парадигмами, побуждает к формированию «открытой» методологии, способной к комбинации различных методов в целях исследования феномена гражданина через взаимосвязь бытия и становления, в единстве социальных и культурных, устойчивых и динамичных, универсальных и уникальных характеристик данного политического явления.

Использование методов синергетики способствует пониманию общества как неравновесной системы динамически взаимосвязанных процессов организации и самоорганизации [Пригожин, Стенгерс 1986: 236]. В историческом становлении феномена гражданина синергетика позволяет выявить взаимосвязь генетических и наличных, кумулятивных и дискрет-

ных, обратимых и необратимых, стохастических и вероятностных процессов, роль неустойчивых состояний и флуктуаций. Построение статистических моделей эволюции сложных социальных систем способно воссоздать взаимодействие между индивидуальным и коллективным поведением, выявить роль индивида в историческом процессе, его уникальной ментальности и локальных действий как «случайности», порождающей «обратные связи» и «нелинейные зависимости» между элементами социальной системы, определять ее выход из точки бифуркации, задавать направление эволюции и приводить к глобальным изменениям. Синергетика дает путь к пониманию социальной эволюции не как универсального для всех перехода из одного статического состояния общества (как суммы институтов традиционного общества) в другое (сумму институтов современного общества), но как взаимопроникновения традиции и современности.

Концепции глобальной истории Ф. Броделя и мир-системного анализа И. Валлерстайна, синтезирующие универсальную (Г. Гегель) и локальную (О. Шпенглер) версии истории, позволяют установить баланс между характеристиками универсальности и локальности в феномене гражданина. Они способствуют совмещению синхронического и диахронического взгляда на проблему и описанию истории Западной Европы XV–XVIII вв. и становления гражданина через взаимосвязь трех временных слоев и структурных уровней реальности: 1) стабильных структур повседневной деятельности людей и множества локальных историй, складывающихся в инертную, стихийную историю, подчиненную природным ритмам; 2) структур рыночной экономики, подверженной циклическим и иным изменениям, детерминированным ростом значения культуры и сознательной деятельности людей; 3) активных иерархических социальных и политических структур и «событийной», быстро изменяющейся истории [Бродель 1986: 33], связанной с ростом степени целенаправленности и появлением автономных субъектов действия. Проблема универсальности и локальности цивилизаций имеет пространственное и временное измерения. Первое предполагает сопоставление общих и специфических характеристик западноевропейской и других цивилизаций. В историческом измерении западноевропейская цивилизация представляет собой четыре относительно самостоятельные локальные цивилизации: античная, христианский Рим и раннее европейское средневековье (I – IX–XI вв. н.э.), классическое средневековье, Новое время. Между ними есть культурная преемственность и нелинейная генетическая связь, но есть и различия. Каждой из цивилизаций присущ специфический феномен гражданина, обладающий уникальными характеристиками, но в каждом из них выявляются и инвариантные черты. Социокультурный подход дает возможность представить четыре

исторических типа гражданина в Западной Европе, соответствующих этим локальным цивилизациям, показать динамику их развития.

Преемственность исторических типов западноевропейского гражданина детерминирует временную устойчивость инвариантной модели гражданина. Это подтверждается данными философии культуры, фиксирующими цикл развития европейской культуры от конца античности до второй половины XVIII века. С. С. Аверинцев охарактеризовал этот цикл как эволюцию «поэтики общего места», ориентированной на описание реальности с точки зрения жесткой схемы ориентации на образец идеального общества и тип идеального героя [Аверинцев 1981: 9]. Этот стиль был характерен не только для литературы и искусства, но и для социально-политической и правовой мысли этого периода. Гегелевская философия истории (и классическая парадигма в науках об обществе) пронизана логикой движения от схемы к факту, когда формируемая сверху норма жизни предписывается реальности, а система социализации «формирует» реальных людей в соответствии с нормами «идеального» человека. В цикле существования этой традиции видна внутренняя связь социокультурных явлений античной, средневековой, ренессансной эпох и Модерна.

Концепция социальной и культурной динамики П. Сорокина подчеркивает взаимную связь и дополнительность социального и культурного как двух сторон одного процесса становления социальных явлений в контексте «единого и неразделимого социокультурного мира» [Сорокин 2000: 45]. Ее использование дает возможность диахронического видения истории культуры как процесса взаимодействия тенденций дифференциации и интеграции, индивидуализации и универсализации, объективации (институционализации) и субъективации, обновления социальных институтов и культурных форм, результатом и субъектом которого становится личность. Социокультурный подход позволяет в личности гражданина увидеть субъективный источник и результат взаимопроникновения институтов гражданского общества и ценностного содержания гражданского этоса. Применение методологии структурно-функционального анализа позволяет рассмотреть феномен гражданина как иерархический набор институционально и культурно обусловленных социальных ролей [Парсонс 1994: 460], подчиненный публичной функции индивида. Такая ролевая структура возникает в результате медиации, предполагающей определенную степень развития личности. Необходимость медиации вызывается резким усложнением состава ролей, связанным с концентрацией населения, общественных связей, власти в городах и формированием городской государственности. Возникновение личности, связанное с открытием рационального начала и внесением универсальности в локальные формы

бытия и культуры, характерно для «осевого времени» как перехода от циклического к направленному движению истории [Ясперс 1991: 33]. Динамический дух осевого времени воплотился с особенной силой в публичной сфере, формах демократии, культурных образцах политического устройства общества и этосе античного гражданина.

Социокультурный подход исходит из того, что «опосредствованность детерминирующего воздействия какого-либо фактора на человека символическими знаками составляет существенный факт общественного бытия» [Скоробогачкий 2002: 178]. Признавая роль институтов, он требует фиксировать культурные смыслы (символы) в качестве духовных оснований возникновения и функционирования институтов и рассматривать обновление институтов в конкретно-историческом контексте и в рамках циклов изменения культуры, а также видеть в культуре источник субъективных ментальных установок личности гражданина. В социологии знания процесс конструирования социальной реальности показан как взаимопереход ментального и институционального, это по-новому высвечивает роль субъективного и объективного измерений социальной реальности. Социология знания исследует социальную соотносительность «социальной реальности» и «знания», «объективности» и «смысла». Поэтому она может служить платформой для сближения социокультурного и неинституционального подходов. Институты как объективируемые совокупности идей, верований, обычаев, составляющих упорядоченное и организованное целое, задают правила, границы и направление действий и отношений, типизируют многообразие социальных явлений, придавая реальности характер устойчиво повторяющегося, безличного, абстрактно-схематичного порядка вещей, соответствующего определенным образцам. Посредством легитимации раскрывается субъективное измерение этого порядка. Материалом, из которого строится социальная реальность, является дотеоретическое элементарное знание – повседневные представления людей о социальном мире: правила поведения, моральные принципы, конкретные предписания, пословицы, поговорки, ценности, верования, мифы и т.п. Институциональный порядок устойчиво воспроизводится в той мере, в какой знание посредством языка и коммуникации проходит циклы объективации и субъективации, экстернализации и интернализации [Бергер, Лукман 1995: 56].

Метод моделирования позволяет создать теоретическую модель феномена гражданина как инструмент реконструкции его исторических типов, понимания внутренней логики развития феномена с учетом ее обусловленности социокультурным контекстом. С помощью параметров этой модели высвечивается и специфика каждого локального типа, и черты

универсальности, сходства с другими типами. Материалом конструирования являются для нас как социально-политические теории и концепции, так и дотеоретическое и внетеоретическое знание каждой локальной культуры, влияющее на формирование специфических черт феномена гражданина. Общая схема рассмотрения феномена гражданина выглядит следующим образом. Существует три уровня реальности: эмпирической реальности, представленной конкретными людьми; сконструированной реальности (этот уровень позволяет представить исторические типы феномена гражданина, фиксирующие общие черты ряда сходных феноменов в социокультурных рамках каждой эпохи); реальности, представленной в теоретической модели. Теоретическое моделирование феномена выступает в качестве одного из видов социального конструирования реальности. С помощью инвариантной модели гражданина можно реконструировать и объяснить культурно-исторические типы феномена, а также осуществить прогноз перспектив феномена в будущем.

Конструирование теоретической модели феномена гражданина для нас является таким способом производства знания о феномене, который позволяет совмещать реальный и абстрактный планы анализа. Абстрактный срез данного теоретического объекта, полученный путем изучения истории политической мысли, сохраняет следы присутствия в нем использованного инструментария: бинарной структуры модели, накладываемой на реальные явления, и логических операций, по которым из бинарной структуры формируется феномен гражданина, представленный его различными историческими типами. Реальный срез, или содержание этого объекта, – это феномен гражданина в конкретно-историческом пространстве и времени. В ряде социальных наук, и в первую очередь политической, феномен гражданина рассматривается в качестве института политической системы того или иного общества. На наш взгляд, необходимо выяснить содержание этого института с помощью методологии социокультурного анализа. Любой социальный институт представляет собой обобщение и типизацию действительности, в нем заключена первичная абстрактность. Но для нас этот продукт, понимаемый не как «социальный факт», но как «институт», выступает в качестве эмпирического основания исследования. Социальный институт – устойчивая, но лишь одна из форм культуры, он является моментом эволюции культуры, подчиненным ее ритмам, циклам, механизмам, которые рано или поздно приведут к его трансформации. Анализ механизмов культуры, обеспечивающих существование и изменение институциональной среды, позволяет объяснить генезис социальных институтов, исследовать их с точки зрения мотивов деятельности – ментальных стереотипов или новаций людей, образующих,

воспроизводящих и обновляющих эти институты. Теоретический разрез феномена гражданина как политического института, позволяющий выявить бинарную структуру модели, мы осуществляем с помощью структурно-семантического каталога¹ бинарных оппозиций. Эти процедуры теоретической обработки эмпирического материала позволяют сформировать теоретический образ феномена. Совокупность социальных и политических институтов и культурных норм, составляющих их основу, мы выстраиваем в соответствии с каталогом бинарных оппозиций и определяем параметры идентификации феномена.

Теоретическая модель гражданина погружена в контекст культурно-исторических условий, это всегда конкретная модель – гражданина античности, средневековья и т.д. В этой логике понятие гражданина представляет собой гипотезу, позволяющую строить модели, реконструирующие общие черты феноменов локальных культур-цивилизаций. Учет цивилизационных факторов при создании теоретических моделей феномена приближает их к воссозданию его в конкретно-исторической форме. Однако сквозь разные конкретно-исторические модели феномена высвечивается и структурно-семантическая схема, обнаруживающая общие для них черты. Выявить эту схему помогает социальная и культурная антропология. Гипотеза о бинарной структуре феномена гражданина основывается на положении К. Леви-Строса о том, что дуальная структура мифа и социальной организации, одновременно историческая и внеисторическая, характерна для множества человеческих общностей [Леви-Строс 2001: 217]. Суть бинарной структуры модели заключается в наличии институционального и ментального измерений в каждом из ее структурно-функциональных и содержательных аспектов. Использование структурного метода позволяет увидеть, что разные модели феномена гражданина реконструируют не абсолютно дискретные формы, но генетически связанные: разнообразные формы феномена возникают из ограниченного числа одних и тех же параметров. Скорее всего, это некие родовые возможности человека, заданные психикой человека и обладающие природной, социальной и культурно-исторической пластичностью.

Модель гражданина включает три измерения – институциональное, ментальное и личностное. Первое, формальное, структурное измерение модели задано высоким объективным социальным, экономическим и политико-правовым статусом индивида, образующимся в системе институ-

¹ Выражение «структурно-семантический каталог» [Пелипенко, Яковенко 1996: 210] для нас означает перечень бинарных оппозиций, определяющий основные ментальные и институциональные параметры феномена.

тов демократического государства, и набором соответствующих социальных ролей. Второе, содержательное измерение модели составляет комплекс нормативно-ценностных форм культуры – образцов поведения, идеалов, представлений, предписаний, ожиданий, норм, оценок, санкций, то есть этос гражданина. Напряжение между культурными нормами общности, заключенными в роли гражданина, и личной культурой индивида (совокупностью ментальных структур и установок индивида) детерминирует борьбу мотивов в его сознании и ее результаты в виде уникального исполнения им роли гражданина. Конфликт между различными социальными ролями, противоречивая внутренняя структура каждой роли, взаимовлияние стандартизации и индивидуации в исполнении любой роли вызывают необходимость дифференциации внутренних свойств индивида и структурирования собственной ценностно-мотивационной сферы в целях достижения наиболее эффективного способа жизни, пробуждают в нем личность. Субъектом – источником и результатом динамического взаимодействия институционального и ментального измерений является личность – третье измерение модели гражданина. Постоянно переходя с ментального уровня собственной жизни на институциональный, индивид осуществляет взаимообратную переработку социума и культуры, институтов и «смыслов», объективного и субъективного, в ходе этого процесса личность рождается и становится. Гражданин и личность – два аспекта индивида: первый связан со статичной, структурной функцией индивида по отношению к политической реальности; второй – с динамичной его ролью в воспроизводстве и обновлении культурных и социальных форм. Гражданин – политико-правовая ипостась личности, мера публично представленной реализации личности в данных социокультурных условиях. Модель, показывающая взаимосвязь трех измерений, позволяет представить общие (статичные, структурные, универсальные) и специфические (динамичные, содержательные, уникальные) характеристики феномена гражданина, а также личность как субъект их воспроизводства и изменения.

По отношению к процессу политической истории феномен гражданина рассматривается нами как один из наиболее устойчивых, циклически повторяющихся, динамичных и эффективных политических способов адаптации социальных общностей к внешним и внутренним обстоятельствам изменяющейся среды. Он позволяет общности «программировать» поведение своих членов в соответствии с требованиями собственного политического порядка – структурой институтов, нормами культуры, набором социальных и политических ролей, но оставляет для индивида определенную свободу выбора между требуемым и реальным поведением. В

точке сопряжения адаптивного и индивидуального поведения появляется возможность для возникновения и развития личности. Функциональным назначением данного феномена является организация политической системы на основе деятельной самоорганизации индивидов, побуждаемой их стремлением к более высокому социальному и политическому статусу, власти и свободе, а также к объединению в политическую общность в целях достижения господствующего положения данной общности среди других политических образований, с помощью выработанных для этого специфических институциональных и культурных средств. Общий тренд эволюции разных форм гражданина в западноевропейской истории состоит в увеличении спектра возможностей целенаправленного движения истории путем использования личностной формы социальности.

Основу теоретической модели феномена гражданина составляют принципы человеческой субъективности и единства сущности и существования человека, разрабатываемые в экзистенциализме. В качестве инструмента социокультурного анализа модель нацелена на выявление роли человеческой субъективности в разработке эффективных способов формирования политических общностей и систем. Разные исторические субъекты в таких способах – конкретно-исторических типах гражданина – объективируют собственные свойства, в уникальных, относительных, конкретных формах воплощая универсальное, общее, абсолютное, в существовании – сущность. Благодаря языку человек выходит за пределы и объективных условий, и собственной субъективности, а человеческая мысль прорывается в бытие и сущность бытия (общее) открывается человеку [Хайдеггер 1988: 324]. Исследование «историчности языка» показывает «делание мысли», роль ментального в человеческой истории. Анализ языка и коммуникации помогает прояснить устойчивую зависимость объективных аспектов политики от человеческой субъективности. Представленная структурно-семантическим каталогом бинарных оппозиций, модель гражданина позволяет исследовать семиотические аспекты данного феномена как средства объективации индивидуальной и коллективной ментальности и человеческой субъективности, выявлять существенные черты феномена гражданина в каждой его исторической форме.

Динамическую структуру трех основных измерений модели гражданина определяет комплекс бинарных оппозиций: *свои/ чужие; господство/ подчинение; эгалитарное/ элитарное; публичное/ частное; открывание/ закрывание; самоорганизация/ организация; включение/исключение; участие/неучастие*. В наличии скрытого или явного напряжения между полюсами каждой оппозиции проявляется динамичный характер модели. Этот набор – открытая система устойчивых пар понятий, образованных

путем обобщения разных культурно-исторических вариантов выражения сходных структурно-содержательных отношений. Эти параметры составляют инвариант модели, который каждый раз предстает в специфическом виде по сравнению с идентичным явлением другой исторической эпохи. Специфику явления привносит новое культурно-историческое содержание данного инварианта. Благодаря этим свойствам модель может быть пластичной и соразмерной каждой исторической эпохе. Наличие содержательных оппозиций в модели позволяет связать ее с реальностью, протестировать эмпирический материал, проверить ее исследовательскую эффективность. В этом смысле наша модель – структурно-семантический каталог параметров, пригодный для реконструкции любой исторической формы гражданина в контексте и материале соответствующей эпохи.

Формально полюса каждой бинарной оппозиции находятся между собой не только в отношениях противоположности, но и функциональной связи, и обозначают пределы, внутри которых проявляется тот или иной параметр феномена. Содержательно они выражают действительные крайности, противостояние которых придает модели динамику. Конкретно-исторический исход этого противостояния детерминируется уникальными, контекстуально ограниченными медиативными способностями субъекта деятельности. Медиатор, по К. Леви-Стросу, – это мифический культурный герой (трикстер), проводник, посредник, осуществляющий переход от противопоставления явлений или отношений (и терминов) к их постепенному сближению, а также перевод конфликта во взаимодействие. Медиатор как герой культуры в целом – это двойственное существо, обреченное и стремящееся к преодолению противоположностей внешнего существования посредством бессознательных и сознательных попыток справиться с внутренней раздвоенностью. И наоборот, собственную раздвоенность он преодолевает внешними средствами. Оба способа решения проблем индивид совершает с помощью ряда логических операций с оппозициями – наложения, замещения, переноса, ротации, инверсии, медиации [Леви-Строс 2000: 295], направленных на установление симметрии между членами исходной оппозиции. Наиболее продуктивной из них является медиация. Исторически логика медиации такова: каждый член оппозиции выводится из предыдущего путем оппозиции, корреляции и их снятия. В результате появляется триада с третьим, переходным членом оппозиции. Систематическое продолжение медиации в истории ведет к развитию «цепи медиаторов» и тенденции к закреплению медиативного способа решения оппозиций в качестве преобладающего для данной цивилизации. Конструктивность, а не конфликтность постоянных столкновений между институциональной и ментальной сторонами человеческого

бытия обеспечивается возникновением медиатора (личности) и закреплением медиативных структур в культуре и обществе, исторической устойчивостью личностной формы социального. Инвариант феномена обеспечивает единство предмета исследования и позволяет создать последовательное изображение исторических типов феномена гражданина. Между бинарной оппозицией и социальной ролью существует устойчивая связь: оппозиция выражает конкретное содержание роли и степень ее проявления – от минимальной до предельной формы.

Оппозиция *свои/чужие* описывает круг членов той или иной общности, соответствующих конкретно-историческому набору признаков, необходимых для включения индивида в данную общность. Оппозиция *господство/подчинение* выражает экономический, социальный, политический, правовой, религиозный и иные аспекты властных отношений. Характер, степень, формы участия гражданина во власти и управлении обществом всегда различны, но властвование – центральная роль гражданина любой из указанных нами исторических эпох. Гражданин подчиняется законам и режиму функционирования целого (общности граждан государства), однако его политико-правовой статус определяется участием в принятии политических решений («участием в господстве» [Аристотель 2003: 389]), которые становятся законами этого целого, и является основой политической системы. *Господство* позволяет гражданам (кругу *своих*) резко отделять себя от неграждан (*чужих*), статус которых определяется отношениями субординации (*подчинения*). Самоопределение относительно *чужих* подразумевает внутреннюю структуризацию отношений между *своими*. Оппозиция *эгалитарное/ элитарное* выражает борьбу тенденций, приводящую к конкретному устройству общины граждан: *эгалитарность* (равенство, справедливость, равноправие среди *своих*) описывает горизонтальные отношения между гражданами, *элитарность* (неравенство, использование труда и *чужих*, и *своих*) – вертикальные. Формальное равенство, основывающееся на конкретном представлении о справедливости, возможно лишь среди исторически ограниченного числа *своих*. Институциональная структура гражданской общины, или устройство государства представляет собой «порядок должностей» (Аристотель), занимаемых гражданами, иерархию властных полномочий – конституцию в современной терминологии. Понятие элитарности фиксирует тенденцию выделения высшего слоя, элиты, стремящейся к монополизации политических функций, концентрации власти и обособлению внутри общины. Оппозиция *публичное/частное* выражает политико-правовые аспекты отношения части (гражданина) и целого (политической системы), исторически варьирующегося в диапазоне от их синкретизма в античности до состояния вза-

имного определения границ в Новое время. Становление пространства частной жизни гражданина детерминируется развитием культуры, признанием ценности индивидуально-личностных аспектов бытия индивида – духовных (религиозно-нравственных), экономических (частная собственность), правовых (частного права), политических. Конституционный статус гражданина национального государства признает политическую автономию, суверенитет гражданина и гарантирует его гражданские права. Динамические бинарные оппозиции показывают механизмы функционирования и изменения качественного состояния феномена. Они вступают в действие в соответствии с суперритмом культуры, описанным представителями концепции локальных цивилизаций. Оппозиция *самоорганизация/ организация* позволяет выявить особенности политической культуры и характер взаимодействия субъектов, формирующих конкретную политическую общность. Оппозиция *открытие/ закрывание* выявляет механизм формирования, границы политической общности *своих*, ритмы ее функционирования и трансформации. Оппозиция *включение/исключение* раскрывает режим принятия (вовлечения, инкорпорации) индивидов в данную общность и изгнания из нее, характеризует меру свободы доступа в общность.

В целом социокультурный подход дает возможность исследовать феномен гражданина путем конструирования инвариантной теоретической модели гражданина и ее погружения в культурно-исторический контекст той или иной эпохи. В результате возникают не точные определения феномена, а инструменты его анализа и реконструкции. Этот путь исследования носит не логико-гносеологический, а именно социокультурный характер, поэтому методология культурно-исторического (социокультурного) анализа есть не метод, а политико-философский подход, направленный на постижение феномена гражданина как целостного субъекта политики, динамически связывающего институциональные и ментальные структуры и процессы. Между социокультурным и неинституциональным подходами просматривается несколько линий пересечения и возможного взаимодействия: дополнение рассмотрения факторов актуального плана анализом долговременных цивилизационных факторов (социально-экономического и социокультурного контекста), влияющих на формирование целей и предпочтений индивидов; воссоздание реальной или потенциальной целостности и субъектности политического человека с помощью синтеза различных факторов («институтов», символов», «акторов») в единый комплекс. Одним из инструментов анализа этого комплекса мог бы выступить структурно-семантический каталог бинарных оппозиций.

Представленная логика исследования и функциональная модель гражданина важна для решения проблемы становления гражданина в России. Специфический культурно-исторический контекст становления феномена гражданина стал результатом сложного и динамичного взаимодействия множества институциональных и ментальных, объективных и субъективных факторов и условий. В России сложилась культура, серьезно отличающаяся от западноевропейской культуры. Христианский дух в России попал в иной субстрат, образованный следующими факторами. Этнический элемент в истории России представлял собой сложное сочетание восточнославянских, финно-угорских, тюркских и иных племен, каждое из них оставило след в «этнической психее», в противоречивой «русской национальной душе». «Языческие переживания славянской психеи» существенно видоизменили принесенный в Древнюю Русь христианский дух, составили одну из основ православной веры и религиозности, стремящейся не только на Запад, но и на Восток, к «провалу личности» [Федотов 1992: 182]. Г.П. Федотов писал о множестве типов русского христианства, есть понятие двоеверия и даже многоверия в русской культуре, косвенно это свидетельствует об отсутствии единого христианского типа в России, о том, что православие – это не единственное воплощение христианского духа на территории России, о наличии противоречий в самом православии. Это значительно проясняет причины фрагментированности восточного культурного региона.

К этому следует добавить еще отсутствие единой коммуникационной основы, связанной с христианством – основой церковнославянского языка и письменной культуры стал на Руси не греческий, а староболгарский язык. Основы манихейского мировоззрения, присущие болгарскому православию (богумильство), препятствовали медиационному процессу, поиску русской культурой новых средств разрешения возникающих в реальности противоречий. Происходило двойное отдаление западного и православного христианского духа друг от друга, обусловленное разницей в языках и мировоззрении.

Использование на Руси византийского законодательства (Кодекса Юстиниана) и отсутствие рецепции римского права мешало складыванию общей системы права как одной из основ культуры. Вплоть до конца XIX в. система права в России отличалась зависимостью от воли самодержца как единственного законодателя, отсутствием автономных от власти субъектов права (за частичными исключениями в отношении дворянства с XVIII в.), отсутствием независимых друг от друга, развитых систем гражданского и публичного права. Российское законодательство имело множество пробелов, которые восполнялись страдающей произволом и

непоследовательностью судебной практикой. Реализации принципа свободы частной воли в системе российского права мешали значительные ограничения. Фрагментарность этнического состава населения, языка, религии, права, порождаемых ими традиций и обычаев, препятствовала формированию социокультурного единства в целом.

Влияние греко-римской, византийской культуры на письменную культуру, культуру православной церкви и государства составляет особую линию в формировании специфических черт российской культуры в отличие от культуры западноевропейской. Среди последствий влияния византизма на русскую культуру можно выделить следующие. Во-первых, это русский царизм «как продолжение византийского кесаризма» [Леонтьев 1991: 181], но с более жесткой государственной организацией и дисциплиной, то есть бюрократическое, централизованное, самодержавное государство с православной сакрализацией его наследственного владыки, с союзом «царства и священства» (государства и церкви), с православным культом всеобщего повиновения власти. В. С. Соловьев так же, как и К. Н. Леонтьев, считал Россию преемницей Византии, унаследовавшей от нее «националистический партикуляризм и абсолютистический цезарепапизм», и превратившей в дальнейшем церковь в «атрибут национальности и орудие мирской власти», а государство – в «абсолютное национальное государство, отвергающее единство церкви и исключаящее религиозную свободу» [Соловьев 1991: 337–338].

Во-вторых, замкнутость семейных и сословных отношений на «родовое монархическое чувство» (К. Н. Леонтьев), культивируемое православной церковью, всеобщая опосредованность любых общественных отношений отношениями к верховной власти, отношениями государственной службы или государственной зависимости (крепостным правом). Следствием этого стала слабость семейной связи и аристократического начала в России. В этом заключается глубочайшая причина слабого развития личного начала в России, истоки которой лежат во времени формирования Московской Руси. В-третьих, более отдаленным следствием влияния византизма, опосредствованным действием других факторов, является двойственность развития личности массового индивида. С одной стороны, индивид существовал в условиях полной невозможности развития собственной автономии в сфере частных (гражданских) и публичных (общественных и государственных, политических) отношений, что мешало формированию гражданской самостоятельности, субъектности индивида и сколько-нибудь значительного и тем более свободного общественного мнения. С другой стороны, массовый индивид отличался высокой степенью развитости чувственно-эмоциональной сферы личности при слабости

рационально-логического мышления. Из этого вырастает и отсутствие правосознания, и недостаточная склонность населения ко всем сферам деятельности, требующим опоры на разум, логику и расчет. «Отсутствие всякой свободы и самобытности в жизни гражданской и общественной» дополняется «самобытностью и самодеятельностью в жизни духовной..., в области мысли и чувства» [Леонтьев 1991: 197]².

Спустя столетие с лишним исследователи продолжают выяснять специфику развития России. Важный вклад в исследование проблемы специфики российской культуры и идентичности внес К. Г. Холодковский. «Под российской идентичностью в современном политико-государственном значении этого понятия следует понимать, аналогично тому, как это понимается применительно к другим гражданским нациям, комплекс представлений, ценностей, установок, предпочтений, порождаемых самоотождествлением индивидов или их сообществ с Россией (Российской Федерацией) и ее гражданами» [Холодковский 2017: 156]. Автор считает, что формирование российской нации еще не завершено. Он выделяет и анализирует исторические факторы, оказавшие влияние на формирование российской идентичности, а также противоречивые черты нынешней российской идентичности. Среди них – деградация массового сознания, наличие архаичных элементов, не упорядоченные взаимоотношения между гражданской, политической и этнической идентичностями [Холодковский 2017: 161–162].

Анализу различий между имперской, постимперской и неоимперской идентичностью, а также феномену массового имперского сознания, устойчиво воспроизводящемуся длительное время после разрушения империи как политической формы, посвящено исследование О. Б. Подвинцева. Представленный анализ показывает, что процесс формирования национальной и гражданской идентичности протекает нелинейно. В процессе нациестроительства на постимперском пространстве, к которому относят и Россию как преемницу СССР, имперская идентичность приобретает черты гибридной политической идентичности [Подвинцев 2017: 361].

Все это побуждает автора погрузить теоретическую модель западноевропейского гражданина в российский историко-культурный контекст для того, чтобы попытаться дать комплексный ответ на вопрос о становлении гражданина в России, с учетом сложности и многоаспектности данной проблемы.

² Правомерность использования некоторых характеристик К.Н. Леонтьева обусловлена верностью его диагноза в отношении ряда причин современного ему состояния русской истории и культуры, чего не скажешь о его оценках, заключениях и прогнозах.